
ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 60.542.21

Н. А. Мицюк

«ОБРАЗОВАНИЕ НЕ ДЛЯ ОДНОЙ ТОЛЬКО ГОСТИНОЙ». ФЕНОМЕН ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ЖЕНСКИХ ПАНСИОНОВ

Частные женские пансионы сыграли особую роль не только в истории отечественного женского образования, но и в изменении социокультурной среды провинциального женского общества. Феномен женского пансионного образования является малоисследованной проблемой. В дореволюционной историографии Е. Лихачева впервые выделила частные женские пансионы в особую ветвь в структуре женского образования России¹. В советский период гендерный аспект частного образования, по очевидным причинам, не мог претендовать на научно-исследовательский интерес. Огромный вклад в современную отечественную гендерную историографию внесла Н. Л. Пушкарева. Она² и ее ученики, в частности А. В. Белова³, в своих работах уделили внимание женскому воспитанию и образованию. Р. Ф. Усачева, Э. Д. Днепров, рассматривая женское образование, анализируют законодательство в отношении частного образования⁴. Н. И. Яковкина, характеризуя русскую культуру XIX в., дает негативную оценку частным женским пансионам⁵.

Появление частных женских пансионов в провинции связано с просветительскими преобразованиями Екатерины II. Императрица была ярким поборником развития женского просвещения. В программных документах отмечалось: «С таким же порядком как мужской, так и женский пол воспитывать быть имеет»⁶. Воплотить эту идею должны были закрытые учебные заведения, к примеру институты благородных девиц. Однако их основание предполагало большие капиталовложения, поэтому императрица обратилась к губернским властям, дабы те призвали общество к развитию частной образовательной инициативы. Это послужило предпосылкой к распространению частных женских пансионов в провинции, содержательницы которых во многом копировали внутреннее устройство столичных благородных институтов. Известно, что в Твери в 1783 г. функционировали 2 женских пансиона, в то время как мужской — только 1⁷. В Рязани известность получил женский пансион для благородных девиц, открытый в 1800 г. поручицей Марией Гаммель⁸, в Полтаве — пансион

француженки Реньи, в Елизаветграде — пансион француженки Бурковской⁹. В течение первой половины XIX в. частные женские пансионы распространились по всей России и функционировали не только в губернских, но и в уездных городах. Этому во многом способствовала государственная образовательная политика. Учебные уставы 1804 г. (ст. 141—158)¹⁰ и 1828 г. (ст. 307—325)¹¹ вводили частные пансионы в систему министерских учебных заведений. Разрешая частным лицам открывать пансионы и школы, уставы запрещали поступать девушкам в уездные училища, гимназии, университеты; они могли обучаться лишь в начальных учебных заведениях МНП — приходских училищах. Выбор женских учебных заведений был ограничен либо привилегированными учебными заведениями императрицы Марии, которые впоследствии перешли в особое ведомство ее имени, либо частными пансионами. Несмотря на то, что столичные женские пансионы считались образцовыми, именно в провинции они сыграли особую историческую роль. Лихачева сообщает, что в 1834 г. женские пансионы являлись единственными учебными заведениями для девиц в 15 губерниях (Пермской, Саратовской, Нижегородской, Рязанской и др.)¹². К 1834 г. в частных пансионах насчитывалось 6890 воспитанниц, в то время как во всех учебных заведениях МНП состояло 8544 ученицы¹³.

В 1830—1840-х гг. правительство, в соответствии с консервативным курсом реформ, стремилось ограничить развитие частного образования¹⁴. К ограничительным мерам можно отнести: комплекс мер «против умножения пансионов и частных учебных заведений» 1833 г.¹⁵, указ о домашних наставниках 1834 г.¹⁶, положение 1835 г. о частных учебных заведениях, которое строго регламентировало порядок их основания и функционирования¹⁷. Для содержательниц частных учебных заведений, нарушавших основные правила открытия пансионов, вводились строгие меры наказания¹⁸. Однако эти меры не могли остановить распространение частных пансионов, т. к. потребность в женском образовании с каждым десятилетием возрастала. Показателен пример Калужской губернии. Первые женские пансионы здесь стали открываться как раз в 1830-е гг.¹⁹ Либеральная атмосфера конца 1850-х гг. способствовала тому, что стала отменяться «вредная монополия и вводилось благотельное соперничество в деле частного воспитания»²⁰. По новому закону 1857 г. при открытии частных школ и пансионов не требовалось разрешения министра народного просвещения, что заметно упрощало процесс организации частных заведений и способствовало увеличению инициатив по их основанию.

Содержательницами женских пансионов в провинции в первой четверти XIX в. являлись иностранки, столичные дамы дворянского происхождения или провинциалки, получившие образование в благородных женских учебных заведениях. В условиях отсутствия женских учебных заведений в губернии дворянское общество стало обращаться к образованным дамам, склоняя их к открытию частных учебных заведений. Например, смоленская дворянка А. Г. Зенченко открыла женский пансион, «убежденная многими лицами из жителей»²¹. В 1848 г. российская подданная, «рижская гражданка» Шарлота Эрихсон (Ерихсон), «убежденная просьбами некоторых помещиков Рославльского уезда»²², основала женский пансион в Рославле. С другой стороны, при открытии частных женских пансионов очевидным было желание содержатель-

ниц заработать. Плата за обучение была высокой, в среднем 300—500 руб. в год, что значительно превышало плату в аналогичных мужских заведениях²³. Высокая плата обеспечивала однородный состав воспитанниц, преимущественно девочек из дворянских, реже купеческих семей. С начала 1860-х гг., с развитием женских учебных заведений МНП в провинции, плата за обучение в пансионах стала снижаться до 60—150 руб. в год.

Возможность открывать частные пансионы явилась для женщин провинции новой формой гендерной идентичности. Основание пансиона давало возможность быть самодостаточной, не зависеть от наследства родителей или состояния мужа. Анализ социального и имущественного положения основательниц пансионов позволяет сделать вывод о том, что они, по преимуществу, принадлежали к обедневшей части дворянства, женщинам, остро нуждающимся в средствах, вдовам, незамужним (девицам). Показателен пример смоленской дворянки А. Гейдуковой. Главной причиной основания пансиона послужило ее бедственное состояние. Отец А. Гейдуковой умер рано, она с двумя сестрами воспитывалась в приемной семье помещицы Д. И. Уваровой, наследства, соответственно, у нее не было. Образование получила в Санкт-Петербургском военном сиротском институте. После смерти мужа, оставшись без средств к существованию, Гейдукова была вынуждена заняться преподавательской деятельностью²⁴.

Открытие женских пансионов в редких случаях было обусловлено проявлением благотворительности аристократических кругов провинции. Так, в 1808 г. в Полтаве С. Кочубей в собственном доме основал женский пансион для бедных дворянок, организацией которого заведовала его жена. В 1821 г. князь Ф. С. Голицын в своем имении Саратовской губернии учредил благородный женский пансион²⁵. С желанием основать благородный благотворительный пансион для девиц в Смоленске выступила княжна М. Барятинская в 1852 г.²⁶ После польского восстания 1831 г. в проекте по развитию женского образования западных губерний предусматривалось выделение денежных сумм содержательницам русских пансионов. Например, Савич, открывшая женский пансион близ Могилева в 1832 г., получала от государства 4440 руб. ежегодно²⁷, в Смоленской губернии данная сумма могла равняться совокупному ежегодному доходу содержательницы.

Количество частных женских пансионов неуклонно росло вплоть до 1860-х гг. Если в 1830-е гг. в Смоленской губернии функционировало не более трех пансионов, то в 1850-х гг. их насчитывалось восемь²⁸. Рост числа женских пансионов в провинции к середине XIX в. был сопряжен и с другой важной тенденцией женской истории — появлением все большего числа женщин, осваивающих новые социальные роли в обществе. Сфера образования являлась плодотворным и вполне возможным поприщем для деятельности.

В связи с неоднородностью учебной программы женские пансионы балансировали между начальными и средними учебными заведениями. Они состояли из трех классов (отделений): начального (низшего), среднего, высшего. Традиционно пансионерки изучали такие предметы, как Закон Божий, русский, французский, немецкий языки, арифметику, географию, историю российскую и всеобщую, рисовальное искусство, рукоделие, танцы. В высших классах могло быть предусмотрено изучение физики. В пансионе смолянки Е. Февизио суще-

ствовали курсы логики, риторики²⁹. Некоторые из содержательниц делали ставку на преподавание иностранных языков, вводя в программу латинский, немецкий, итальянский, английский. Программа обучения содержала обязательную и вариативную (необязательную) часть.

Формы содержания воспитанниц на протяжении первой половины XIX в. заметно эволюционировали. Провинциальные содержательницы первых женских пансионов равнялись на закрытые женские учебные заведения ведомства императрицы Марии, в которых обучение совмещалось с постоянным проживанием. Первоначально в пансионах существовала единственная форма содержания — полный пансион. К середине XIX в. распространение получили новые формы содержания: полупансионная (в содержание входили завтраки и обеды, после изучения курса предметов воспитанницы отправлялись домой), «приходящая» (содержание состояло исключительно в изучении курса предметов). Разнообразие форм содержания благоприятно сказывалось на количестве пансионеров.

Девочки поступали в пансионы в среднем в 8-летнем возрасте, обучаясь до 16—17 лет. При поступлении на полный пансион воспитанницы должны были иметь при себе постельное белье, столовые приборы, салфетки, которые становились собственностью пансиона. Некоторые содержательницы стремились подражать женским учебным заведениям ведомства императрицы, вводя форменные платья для воспитанниц. Распространенной формой одежды для пансионеров были платья из зеленого терно с черными фартуками для младшего отделения и белыми для старшего. Распорядок жизни воспитанниц в частных пансионах во многом напоминал распорядок закрытых частных заведений ведомства императрицы. Девочки вставали в 6 часов утра, после гигиенических процедур следовали на утреннюю молитву, с 8 часов — чаепитие, затем повторение занятий и подготовка к урокам. Изучение основных предметов проходило с 9 до 13 часов. После обеда, который включал три блюда, воспитанницы готовили вечерние уроки. Вечером, в 17—18 часов, они обучались дополнительным предметам — танцам, музыке, рукоделиям. Затем чаепитие, подготовка уроков на следующий день, ужин, молитвы и с 23 часов — сон. Таким образом, повседневная жизнь в пансионе была строго регламентирована, на протяжении всего дня воспитанницы были заняты уроками либо приготовлением к ним, свободного времени у девочек фактически не оставалось. Исключение составляли воскресные дни, в которые воспитанницы посещали церковь и в сопровождении наставницы или педагогов могли прогуляться по городу³⁰.

Элитарность заведения зависела от комплекса факторов: от персоны содержательницы, круга преподаваемых предметов, известности педагогов, не последнюю роль играла и цена обучения. Содержательницы пансионов для поддержания популярности своего заведения прибегали к рекламе. В провинциальной печати нередко публиковались условия поступления в пансионы, отчеты и сведения об успехах деятельности. Одним из самых знаменитых женских пансионов Смоленской губернии середины 1850-х гг. был женский пансион Е. Ф. Зенкович, открытие которого в 1855 г. проходило в присутствии самого начальника губернии Н. А. Ахвердова³¹. Подчеркивался высокий уровень образования учениц данного пансиона: «...руководствуясь порядком казенных

учебных заведений, где образуют девиц не для одной только гостинной и общественной жизни», предлагают все способы изучить науки фундаментально³². Пансион был рассчитан на 40 учениц, среди которых 10 проживали в нем постоянно, 30 являлись проходящими. В пансионе изучался широкий круг предметов. Основная часть преподавателей являлась учителями гимназии, которые в то время считались лучшими в губернии³³. Ежегодно в частном учебном заведении проводились публичные экзамены, результаты которых освещались в местной прессе³⁴. Престижным женским пансионом в дворянских кругах Смоленска являлся пансион Л. Р. Кнобельсдорф³⁵. Учреждения Л. Кнобельсдорф и Е. Ф. Зенкович в 1858 г. были удостоены посещения самой императрицы и министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, которые высказали одобрительные отзывы в пользу женских пансионов³⁶.

После введения положения о женских училищах МНП 1858 и 1860 гг.³⁷, появления в губерниях женских гимназий и прогимназий МНП число женских пансионов в провинции стало заметно снижаться. В 1860 г. в Смоленской губернии функционировало три пансиона³⁸. К 1866 г. действовал только один женский пансион в Гжатске³⁹. Однако частные пансионы не исчезли, их формы эволюционировали. Содержательницам некоторых пансионов было предложено преобразовать свои учреждения в женские училища (гимназии), где они занимали место начальниц. Например, женское училище в Костроме, открытое в 1857 г., было преобразовано из женского пансиона дворянки Шкот; Тверское женское училище в 1858 г. — из пансиона г-жи Гросвальд, Вологодское женское училище — из пансиона г-жи Дозе⁴⁰. Большим спросом стали пользоваться частные женские школы по подготовке девочек в гимназии. К концу XIX в. в провинции начали появляться частные женские гимназии, которые, по сути, были теми же частными пансионами, но с названием и качеством образования, в большей степени соответствующими духу времени. В Смоленске, например, была основана частная женская гимназия Е. И. Ровинской на базе бывшей частной женской школы, а также гимназия Е. Г. Швиттау⁴¹.

Подведем итоги. Появление частных женских пансионов в провинции явилось результатом просветительских реформ Екатерины II. Несмотря на неоднозначное отношение государства к частным учебным заведениям, зигзаги в политике, частные женские заведения просуществовали более века. Они сыграли особую роль в формировании социокультурного пространства образованной женщины провинции XIX в. В условиях отсутствия развитой системы женских учебных заведений, вплоть до либеральных образовательных реформ 1860-х гг., женские пансионы в провинции были едва ли не единственными женскими образовательными учреждениями. После активного распространения женских гимназий и прогимназий МНП частные женские пансионы не исчезли, а продолжили свое сосуществование наравне с государственными учебными заведениями. С другой стороны, женские пансионы явились одним из первых трудовых поприщ для провинциальных дворянок. Открытие и содержание женщинами пансионов — новая форма гендерной идентичности для женщин в провинции.

Примечания

- ¹ *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России (1086—1796 гг.). СПб., 1890 ; То же (1796—1828 гг.). СПб., 1893 ; То же (1828—1856 гг.). СПб., 1895 ; То же (1856—1880 гг.). СПб., 1901.
- ² *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — нач. XIX в.). М., 1997.
- ³ *Белова А. В.* «Четыре возраста женщины» : повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб., 2010.
- ⁴ *Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф.* Женское образование в России. М., 2009.
- ⁵ *Яковкина Н. И.* История русской культуры, XIX век. СПб., 2000.
- ⁶ Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоюга пола / сост. И. Бецкой. СПб., 1774. Т. 1. С. 94.
- ⁷ Краткое описание состояния Тверской губернии, основанное на сравнении статистических данных 1783 и 1846 годов. Тверь, 1847. С. 22.
- ⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба : Рязанская губерния / сост. М. Баранович. СПб., 1860. С. 372.
- ⁹ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1796—1828 гг.). С. 112, 252.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи : собр. 1. Т. 28. С. 626—647. Далее: ПСЗ.
- ¹¹ ПСЗ : собр. 2. Т. 3. С. 1097—1127.
- ¹² *Лихачева Е.* Указ. соч. (1828—1856 гг.). С. 216.
- ¹³ Там же. (1796—1828). С. 215—216.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 171. 1831.
- ¹⁵ ПСЗ : собр. 2. Т. 8. С. 707 ; *Усачева Р. Ф.* Женское образование в системе николаевских школ // Образование в современной школе. 2002. № 7. С. 53.
- ¹⁶ ПСЗ : собр. 2. Т. 9. С. 674.
- ¹⁷ Государственный архив Смоленской области. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1457. 1853 г. Л. 1. Далее: ГАСО.
- ¹⁸ *Любимов П.* Исторический очерк Смоленской Мариинской женской гимназии (1861—1911). Смоленск, 1913. С. 38.
- ¹⁹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба : Калужская губерния / сост. М. Попроцкий. СПб., 1864. Ч. 2. С. 37.
- ²⁰ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1856—1880 гг.). С. 19—20.
- ²¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 403. 1842 г. Л. 1 об.
- ²² Там же. Д. 926. 1848 г. Л. 12 об.—13.
- ²³ Там же. Д. 102. 1833 г. Л. 6 об. ; Д. 797. 1847 г. Л. 10.
- ²⁴ Там же. Л. 2.
- ²⁵ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1796—1828 гг.). С. 256—260.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 418. 1852 г.
- ²⁷ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1828—1856 гг.). С. 25.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 452. 1842 г. Л. 1 ; Д. 289. 1839 г. Л. 9, 15, 33 ; *Любимов П.* Указ. соч. ; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 161. 1836 г. Л. 10 ; Д. 386. 1841 г. Л. 11 ; Д. 239. 1838 г.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. 1832 г. Л. 20 ; Ф. 1. Оп. 1. Д. 13 А. 1830 г. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 102. 1839 г. Л. 7 об.
- ³¹ Об открытии частного женского пансиона в Смоленске из дворян девицею Е. Ф. Зенкович // Смоленские губернские ведомости. 1855. № 46 ; О пансионе Е. Ф. Зенкович // Там же. 1856. № 27. С. 234.
- ³² Смоленские губернские ведомости. 1856. № 27. С. 234.
- ³³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1622. 1855 г. Л. 16—17.

- ³⁴ Смоленские губернские ведомости. 1855. № 24. Часть неофиц. С. 147—148; 1856. № 27. С. 233.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1708. 1856 г. Л. 4; Д. 1818. 1856 г. Л. 9 об.—10; Д. 1897. 1860 г. Л. 8 об.
- ³⁶ Любимов П. Указ. соч. С. 37.
- ³⁷ ПСЗ : собр. 2. Т. 33. С. 689; Т. 35. С. 532.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1897. 1860 г.
- ³⁹ Там же. Д. 2267. 1866 г. Л. 8.
- ⁴⁰ Лихачева Е. Указ. соч. (1856—1880 гг.). С. 22, 49, 154, 255.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2965. 1905 г. Л. 29—30.

ББК 63.3(2)53+60.74

С. Д. Морозов

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.: ТЕНДЕНЦИИ БРАЧНОСТИ

Одним из важных демографических показателей естественного движения населения является брачность. На возрастную-половую состав населения России влияли показатели брачности и рождаемости. К концу XIX в. удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наиболее высоким в Астраханской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерниях, соответственно — 77,5, 73, 67,6 и 67%; коэффициент рождаемости здесь равнялся 53,7, 52,1, 57,7, и 55,4 ‰. В губерниях с высоким удельным весом невест в возрасте 20 лет и моложе показатели рождаемости оказались более высокими. Вместе с тем в Псковской и Петербургской губерниях удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наименьшим в Европейской России — соответственно 31,4 и 27,3%; коэффициенты рождаемости — 40,6 и 29,5 ‰ [4, с. 21—25; 23, Ф. 571, оп. 9, д. 8, л. 22—25; 29, с. 189].

Показатели брачности в России на рубеже XIX—XX вв. в целом находились на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости.

Коэффициент брачности в России в 90-х гг. XIX в. равнялся 9 ‰. В первые годы XX в. он снизился до 8,6 ‰ [17, с. 36—37]. По этим данным прослеживается снижение показателей брачности примерно на 20%. Это объясняется, в частности, введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности.

Сравнительно повышенными показателями брачности отличался 1906 г.; пониженная брачность отмечалась в 1900—1901 гг. и 1904—1905 гг., что связано либо с относительно благоприятными периодами, либо с происходившими тогда войнами и экономическими кризисами. Подсчет показателей коэффициентов брачности населения России по пятилетиям дал следующие результа-